

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-55-70

© *Марчелло Гардзанити (Италия)*

«СЛОВО О НЕСТРОЕНИЯХ И БЕЗЧИННИЯХ» МАКСИМА ГРЕКА. К ИСТОЧНИКАМ ПЛАЧА ВАСИЛИИ*

«Слово, пространнѣ излагающе съ жалостью нестроения и безчиния царей и властелехъ послѣдняго вѣка сего»¹ (далее — Плач) — одно из самых захватывающих сочинений Максима Грека. В этом произведении гармонично сливаются темы и мотивы, которые пронизывают все его творчество и которые свидетельствуют о его гуманистическом образовании, обширной эрудиции и в то же время о развитии оригинального мышления. С одной стороны, в Плаче очевидны следы полученного автором в Италии образования, с другой, как это было недавно отмечено, — он уделяет определенное внимание ситуации в России в контексте изменений, которыми ознаменовано начало Нового времени в Европе.

Мы не будем останавливаться на обширной литературной и исторической критике, посвященной произведению. Тем не менее нам кажется важным подчеркнуть, что до сих пор заявляют о себе два различных направления в интерпретации Плача. Первое из них опирается на полученное автором итальянское образование и в особенности на его знакомство с «Божественной комедией»² или с песней «De ruina ecclesiae» Джироламо Савонаролы.³ Второе направление подчеркивает социальные и политические мотивы, анализируя конкретные исторические обстоятельства, которые могли подтолкнуть афонского монаха к созданию текста.

Согласно некоторым исследователям, произведение возникает из драматической ситуации первых лет царствования Ивана Грозного,⁴ в то время как другие ученые больше принимают во внимание последующие годы, связанные с прогрессивным восстановлением социального и политического порядка в эпоху митрополита Макария, в особенности проведение Стоглавого собора.⁵ Следы Плача можно найти

* Данная статья представляет собой расширенную и доработанную русскую версию исследования, ранее опубликованного на итальянском языке: *Garzaniti M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinjach) di Massimo il Greco. Alle fonti del lamento della Vasilija // Studi slavistici. 2019. T. XVI. № 2. P. 157–175.*

¹ Последнее издание Плача было подготовлено Н. В. Синициной на основе кодекса: РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 42; см.: *Максим Грек, преп. Соч.: [В 2 т.] / Под ред. Н. В. Синициной. М., 2014. Т. 2. С. 264–271 (см. также комм. на с. 390–393).*

² *Picchio R. La letteratura russa antica. Milano, 1968. P. 218; Baracchi M. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? (Confronto di uno «Slovo» di Maksim Grek con motivi e tecniche della «Divina Commedia») // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev 1983 / A cura di J. Křesálková. Roma, 1983. P. 13–37.*

³ *Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Slavica. 1939. Т. XVII. № 1–2. С. 128–133; Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 223–224. М. Баракки, кажется, не знаком с работой Висковатого, который писал о влиянии песни Савонаролы на произведение Максима Грека, подчеркивая литературные отношения между текстами обоих авторов.*

⁴ *Иконников В. С. Максим Грек и его время: Историческое исследование. Киев, 1915. С. 450–455; Ржига В. Ф. Опыт по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 50–59.*

⁵ Учитывая композицию сборников его сочинений, Н. В. Синицына полагала, что «„Слово о нестроениях и безчиниях“ было включено в Иоасафовское собрание на заключительном этапе

в синодальных документах, в письме юного царя Ивана, обращенном к участникам Собора и открыто говорящем о «вдовствующем царстве».⁶

При работе над статьей использовалась книга под редакцией Н. В. Синицыной,⁷ но учитывалось также издание, подготовленное Л. И. Журовой, вышедшее несколькими годами ранее и предлагающее в приложении варианты различных кодексов.⁸ К сожалению, в это последнее издание не было возможности включить интересный парижский кодекс *Man. Slav. 123* (хранящийся в Национальной библиотеке Франции (*Bibliothèque nationale de France*)), список, содержащий аннотации, которые с высокой степенью вероятности принадлежат самому Максиму или работавшим под его руководством сотрудникам.⁹

Плач открывается рассказом от первого лица некоего путника («преходникъ»), который, совершая суровый путь («по пути жестоцѣ»), встречается одинокую плачущую женщину, одетую во вдовьи одежды и окруженную дикими зверями. Итальянскому читателю воображение тут же неизбежно подскажет различные произведения итальянской литературы, начиная с «Божественной комедии», с которой молодой Михаил Триволис (т. е. Максим Грек), конечно, познакомился во время своего пребывания во Флоренции. В то же время глубокие размышления, которые порождает плач главной героини, с его многочисленными библейскими цитатами, направленными на интерпретацию социальных и политических потрясений эпохи, подталкивают к более точному изучению источников и их использования и заставляют воспринимать произведение как в контексте творчества Максима Грека, так и в свете исторических событий того времени в России и в Европе.

Образ вдовствующей женщины мог вызвать в памяти человека византийской культуры ассоциации с традиционной классической литературой, начиная с плача Пенелопы, которая горюет о своем вдовстве, окруженная женихами (Гомер, *Одиссея*, песнь I, ст. 325–364),¹⁰ а также, в рамках библейской литературы, с Плачем Иеремии, который открывается образом горько плачущей вдовы, представляющей Иерусалим.

Известно, что этот образ свидетельствует и о тесной связи Плача с творчеством Савонаролы. Прямым источником вдохновения для Максима Грека стала песня «*De ruina ecclesiae*» (1475), на которую в прошлом указал К. Висковатый. К этому, однако, следует добавить предшествующее сочинение феррарского брата — «*De ruina mundi*» (1472), которое образует с первым текстом своего рода диптих.¹¹ Этот источник

его формирования, когда оформлялся Краткий вид (в нем 26-я глава отсутствует); но вместе с тем уже начиналась работа по составлению второй части Хлудовского собрания (главы 26–73, где 26-я глава — тоже «Слово о нестроениях»). Вероятно, это происходило в эпоху Стоглавого собора, около 1551 г.» (*Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 390, см. также с. 30). Ср.: *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции: [В 2 ч.]. Новосибирск, 2011. Ч. 1. С. 216–217; *Емченко Е. Б.* Священство и царство в XVI в. (Максим Грек и Стоглавый Собор) // *Вопросы религии и религиозоведения.* М., 2010. Вып. 2. Кн. 1. Религиоведение в России в конце XX — начале XXI в. С. 90–102.

⁶ В этой связи надо отметить важное исследование: *Емченко Е. Б.* Священство и царство в XVI в. С. 99.

⁷ *Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 264–271. Далее Плач цитируется по этому изданию.

⁸ *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 26–43. Ученая скрупулезно проанализировала рукописную традицию и показала, что антиграф двух главных рукописей, современных автору (РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 42; РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцев. № 264), был ближе к оригинальному произведению, но что кодекс из собрания Большакова (РГБ. Ф. 37. Т. Ф. Большаков. № 285) содержит изменения, сделанные самим автором, которые не основываются на предшествующем антиграфе, но представляют собой новый вариант произведения (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 224–232).

⁹ О глоссах в кодексе BNF. *Man. Slav. 123* см.: *Гардзанити М.* Глоссы сборника Максима Грека в Национальной библиотеке Франции: между лексикографией и экзегезой // *Вестник Московского университета.* Сер. 9. Филология. 2019. С. 202–212.

¹⁰ В связи с византийской литературой А. С. Орлов ссылается на поэтические произведения Иоанна Геометра и на «Историю» Никиты Хониата (см.: *Висковатый К.* К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 129).

¹¹ О песнях см. национальное издание стихотворений брата-доминиканца под редакцией М. Мартелли (*Savonarola G. Poesie / A cura di M. Martelli.* Roma, 1968. P. 3–9). Мы не можем подробно останавливаться на поэтическом творчестве Савонаролы, важный автограф которого

надо обязательно учитывать не столько для того, чтобы подчеркнуть преэминентность произведения Максима Грека, сколько для того, чтобы обозначить способность автора перерабатывать и развивать тематику, используя специфические формы и способы. Оригинальность подхода начинается уже с существующих формальных различий между поэтическим сочинением и прозаическим повествованием, а ярко проявляется в пронизательной экзегезе Священного Писания, прилагаемой к новому русскому контексту.

В рассказе путник, приблизившийся к женщине, вежливо ее спрашивает, кто она, почему находится «при пустѣм семь пути» и какова «вина плача и скръби ея есть». Хотя она и упорствует в нежелании раскрыть свою личность, читатель может легко угадать аллегорический характер этой фигуры и обстановки, совмещающей классические реминисценции и библейские мотивы. По нашему мнению, это ясно указывает на глоссу, которая в упомянутом парижском кодексе объясняет слово «сръѣтение» через «видѣние» (BNF. Man. Slav. 123. Л. 68 об.).¹² Этот термин, выходя за границы стилистической синонимии, представляет собой фундаментальное понятие пророческой ветхозаветной литературы, которая, как мы увидим, берет на себя основополагающую роль в Плаче.

Вначале главная героиня, кажется, не хочет отвечать путнику. Не говоря, кто она, женщина предлагает собеседнику замолчать и продолжить свой путь, заявив, что ее рана «неисцѣльна от челоуѣков». Тем не менее из ее слов можно извлечь два указания, важных для дальнейшего восприятия сюжета. Героиня подчеркивает, что если путник попытается понять причины ее нынешнего положения, то это ввергнет его в беды, и отмечает тот факт, что среди этих причин есть и «многыя <...> жестости» тех, кто должен бы ее направлять, потому что они слушают «мало общепольное свѣѣтование» и буреваемы страстями, становясь таким образом пленниками тех, кто их окружает. Так в Плач вводятся важнейшие мотивы ветхозаветной литературы, в которой постоянно присутствует фигура пророка, тяжело страдающего от того, что распространял божественное послание.

Чтобы убедить вдову, путник, тем не менее, уговаривает ее, призывая «честнѣишии в женах» облегчить свое страдание, обратившись к нему «съ дрѣзновениемъ», с очевидной отсылкой к апостольской парресии. Ее речь может быть полезна ему и всем тем, кто может узнать ее через его посредничество, избежав таких же тяжелых последствий. Героиня энергично отвергает это предложение, снова подчеркивая уже упомянутый мотив опасности распространять ее послание (особенно в письменном виде) из-за возможных преследований со стороны тех, кто ненавидит истину и «поучение старческое» и кто в состоянии пагубно воздействовать на правителей.

Наконец героиня, движимая божественной любовью и добротой, соглашается возвестить все причины своей печали в надежде, что правители раскаются и посвятят

был обнаружен в 1970-е годы (Biblioteca Ambrosiana (Milano). S.P.II.5; см.: *Cattin G. Il primo Savonarola. Poesie e prediche autografe dal codice Borromeo. Firenze, 1973*), а тем более на анализе двух песен. Однако надо отметить не только изысканную метрику, но и подтекст, восходящий к Священному Писанию, особенно к Книгам пророков, а также влияние Данте и особенный петраркизм (*Martelli M. Savonarola poeta // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / A cura di G. Garfagnini. Firenze, 2001. P. 133; Savonarola G. Rime / A cura di G. Tuccini. Genova, 2015*). В своих интерпретациях Плача К. Висковатый и А. И. Иванов упоминают только «De ruina ecclesiae» (по изданию: *Savonarola G. Poesie / A cura di V. Piccoli. Torino, 1926*), таким образом упуская из виду общий герменевтический кругозор этого сочинения Максима Грека (*Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 128–133; Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола. С. 223–224*). По мнению первого исследователя, это произведение говорит только о царстве, тогда как доминиканский брат интересовался церковью, поэтому в Плаче «было заимствование не литературного сюжета, а лишь литературного образца, структуры определенного литературного произведения, которую взял у Савонаролы Максим, разработав детали по-своему» (*Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 133*).

¹² Н. В. Синицына выражает мнение, что речь идет о «стилистической замене, уточняющей смысл, его аллегорический характер» (*Максим Грек, преп. Соч. Т. 2. С. 392*).

себя благим делам, которые не только принесут честь и славу, но даже обеспечат «взращение дръжавы». Не может укрыться от внимания ясная отсылка к сопутствующим библейским и классическим источникам: «истина», как обычно для Максима Грека, — это «евангельская истина», всегда объясняемая в свете учения пророков и отцов Церкви, тогда как «возрастание державы» является недвусмысленным указанием на политическую мысль Римской империи.¹³

Теперь женщина может, наконец, представиться как одна из благородных и славных дочерей Царя всех, Создателя и Владыки, от которого происходит «всяко даание благо и всяк даръ съвршенъ» и «всяко отечество на небеси и на земли». Библейская цитата о божественном источнике каждого дара (Иак. 1: 17) является лейтмотивом византийской политической литературы и в размышлениях Максима Грека становится важным понятием, которое занимает ключевое место уже в одном из его первых сочинений на церковнославянском — Послании великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири (1522).¹⁴ Героиня обладает различными именами — «начальство наричюся и власть и владычество и господство», однако ее настоящее имя «Василия» — обращение, в котором объединены все эти значения. Божественное избрание, присутствующее в имени, полученном от Всевышнего, проявляется через тех, кто ей подчинен и кто таким образом становится «крѣпость и утвержение сущим под рукою их людемъ».

В кодексе МДА 138,¹⁵ который содержит собрание сочинений с примечаниями самого Максима Грека, имя аллегорической фигуры Василии объясняется глоссой, которая делает явным библейский источник размышлений: «толк: сирѣчь царство, а тлѣкуется утвержение люодемъ» (ср.: Прем. 6: 24).¹⁶ Книга Премудрости в реальности отсылает к «царю премудрому»,¹⁷ который представляет собой «утверждение людемъ». В Плаче замещение термина «царь» термином «царство» было направлено на аллегорическую экзегезу, которая понимается во вселенском и мессианском ключе. В словах героини это имя имеет значение, которое соответствует греческому смыслу слова «василеево», но которое все-таки непонятно тем, кто ведет себя недостойно, превращаясь из царей в «мучители» и принося этим Василии бесчестье. В качестве возмездия они получали скорби и болезни, заслужив Божье наказание.¹⁸

Представление главной героини, содержащееся во вступлении произведения, завершается выражением подходящего почитания со стороны путника, который узнает

¹³ Понятие *civitas augecens e civitas amplianda*, присутствующее в кодексе Юстиниана, было предметом рассмотрения на Международной конференции «От Рима до Третьего Рима» (Roma 1996; см.: *Catalano P. II. Roma, Costantinopoli, Mosca: 1981–2000 // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law. 2002. Vol. 30. P. 81–93*). Чтобы подчеркнуть преемственность этого понятия в византийской традиции, мы можем сослаться на «Послание Фотия к хану Борису», считающееся в русском Чинквеченто чем-то вроде *speculum principis*, который сам Максим ввел в обращение в славянском варианте (*Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 82–94, ср. infra*). В этом случае, как и в предшествующих цитатах, необходимо специальное исследование об отношениях между Плачем и византийскими источниками.

¹⁴ В этом послании цитата сопровождается ссылками на учение Платона и на законодательство Юстиниана, в котором утверждается, что императорская власть и священничество — наибольшие дары Бога (Послание великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири // Максим Грек, преп. Соч. Т. 1. С. 151–166; ср.: *Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 178–200; Garzaniti M. Sacra scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco // Studi slavistici. 2010. Vol. VII. P. 349–363*).

¹⁵ РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 138. Л. 179 об.

¹⁶ *Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 390. Интересен вариант, присутствующий в рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 494/513: «Толк. Царство Василия съ бо тлѣкуется утвержение» (*Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 228*). Д. М. Буланин предлагает другое объяснение. По его мнению, автор предлагает этимологическое толкование, но в литературе невозможно найти происхождение такой интерпретации (*Буланин Д. М. Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // Studi slavistici. 2019. Vol. XVI. № 2. С. 132*).

¹⁷ Эта цитата не указана ни Синецкой, ни Журовой.

¹⁸ Еще вначале Василии, как мы видели, высказывалась о жестокой власти и о ее неизбежных последствиях. Ср. выше.

в ней царское достоинство и просит снова рассказать о причинах горя и ухода «на пути пустъ». ¹⁹ Еще одна отсылка к пустыне становится новым важным указанием, чтобы четче обрисовать контуры аллегорической фигуры. Образ женщины в пустыне действительно вызывает в памяти женщину из Апокалипсиса (Откр. 12: 1–6) — фигуру церкви воинствующей и гонимой, использованную в одной из самых важных песен Савонаролы «De ruina ecclesiae». Феррарский проповедник так представляет встречу с героиней:

Così io dissi a la pia Madre antica
Per gran disio ch'io ho di pianger sempre;
E Lei, che par che gli occhi mai non tempre,
Col viso ch'ino e l'anima pudica,
La man mi prese, et a la soa mendica
Spelonca mi condusse lacrimando.²⁰

Так молвил я благой древней Матери
С великой жаждой всегда плакать;
И она, похоже, никогда не осушающая очей,
Со склоненным ликом и целомудренной душой,
Взяла меня за руку и в свою убогую
Пещеру повела, проливая горькие слезы.²¹

Этот текст, хотя и сочинен на много лет раньше, исполнялся, как и другие произведения доминиканского брата, во время религиозных процессий и в обители Св. Марка (Сан-Марко),²² где Микеле Триволис был послушником в 1502–1503/1504<?> годах.²³

Сходство в описании персонажа и встречи в Плаче и в «De ruina ecclesiae» находит подтверждение в обращении нашего путника к главной героине: «честнѣишии в женах» — это отзвук обращения, с которого начинается песня Савонаролы: «Vergene casta, ben che indegno figlio, / Pur son di membri de l'eterno Sposo» («Чистая Дева, хоть я и недостойный сын, / но и я принадлежу телу (дословно: членам. — М. Г.) вечного Жениха»)²⁴ «Чистая дева» — выражение, которое апостол Павел употребляет, чтобы определить христианскую общину, представленную с помощью метафоры жены на

¹⁹ Два слова, *путь* и *пустъ*, благодаря которым возникает аллитерация, объединены темами «пути» и «пустыни». Они снова появляются в конце произведения, становясь его ключевым топосом. М. Баракки возводит выражение из вступления «по пути жестоцѣ» к «Божественной комедии», но на самом деле это понятие отсылает к основному библейскому мотиву, который присутствует прежде всего в Псалмах и которым воспользовался Данте в своей поэме (*Baracchi M. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca?* P. 14–15).

²⁰ *Savonarola G. De ruina ecclesiae* // *Savonarola G. Poesie*. P. 7. Песня сопровождается серией примечаний, которые содержатся в автографе и восходят, возможно, к флорентийскому периоду (*Savonarola G. Rime*. P. 97–98). Так объясняет образ сам Савонарола: «La Chiesa vera, cioè la congregazione di veri cristiani, li quali piangono sempre li peccati de li altri, e se dogliono de tanta ruina» («Истинная Церковь, т. е. собрание истинных христиан, всегда оплакивающих грехи других и скорбящих о таком падении»; *Ibid.* P. 102).

²¹ Здесь и далее перевод текстов Савонаролы на русский язык выполнен А. В. Топоровой, которой выражаю искреннюю благодарность.

²² В декрете, который устанавливал в Сан-Марко *damnatio memoriae* (проклятие памяти) феррарского реформатора (10 марта 1502 года), давались недвусмысленные распоряжения, касающиеся процессий, песен и всего, связанного с Савонаролой (*Schnitzer G. Savonarola: In 2 vol. Milano, 1931. Vol. 2. P. 437–438*).

²³ См.: *Синицына Н. В.* Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека // *Вестник церковной истории*. 2006. № 1. С. 193–199. Об исторических обстоятельствах, которые связывают Микеле Триволиса с обителью Сан-Марко, см.: *Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // I Domenicani e la Russia. Roma, 2019. P. 41–74*.

²⁴ *Savonarola G. De ruina ecclesiae*. P. 6.

основе аллегорической интерпретации Песни Песней (2 Кор. 11: 1–2). В последующих стихах, которые Максим несколько раз использует в своем Плаче, Савонарола жалуется, что современники не прислушиваются более к советам прошлых поколений:

Però mi duol asai che l' amoroso
 Antiquo tempo, e il dolce suo periglio
 Or mai sia perso; e non par più consiglio
 Che ristorar il possa, on forse ardisca;
 L'ardente voce prisca
 Più non cognosce i Greci nè' Romani;
 El lume de' primi ani
 È ritornato in ciel cum la Regina
 Et a noi, lasso me! più non se inchina.²⁵

Я весьма скорблю, что возлюбленное
 Былое время с его сладостной опасностью
 Ныне утрачено; и, похоже, никакой совет
 Не поможет его восстановить, никто не имеет дерзновения;
 Прежний пламенный глас
 Уже не вспомнит о греках и римлянах;
 Свет первых лет
 Вернулся на небеса вместе с Царицей,
 И нам, увы, уже не сияет.

Впрочем, ту же просьбу о молчании, которую Максим Грек вложил в уста героини, мы находим именно в «*De ruina ecclesiae*», где Савонарола, сочувствуя участи жены Христа, противопоставляет ее вавилонской блуднице, используя апокалиптические и дантовские образы и интонации:

Do poi Madona, dissi: Se 'l ve piace,
 Di pianger con voi l'alma si contenta.
 Qual forza ve ha così del regno spenta?
 Qual'arrogante rompe vostra pace?
 Rispose sospirando: Una fallace
 Superba meretrice, Babilona
 E io: — Deh! per Dio, Dona,
 Se romper se potria quelle grande ale!
 E lei: Lingua mortale
 Non pò, nè lice, non che mover l'arme.
 Tu, piangi e taci: e questo meglio parme.²⁶

Затем я молвил Мадонне: Если вам угодно,
 Душа находит утешение, рыдая вместе с вами.
 Какая сила отняла у вас царство?
 Какой наглец нарушил ваш покой?
 Она ответила, вздыхая: Падшая
 Горделивая блудница, Вавилон.
 А я: Увы! Госпожа, ради Бога,
 Если бы можно было сломать эти огромные крылья!
 Она же: Смертный язык
 Не способен на это, ему не дозволено — не то что поднять оружие.
 Ты же плачь и молчи: это мне представляется лучшим.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 8. Автор так объясняет образ Вавилона: «Cioè la superbia, la lussuria e la avarizia» («То есть гордыня, сладострастие и скупость») (*Savonarola G.* Rime. P. 102).

В этих стихах к тому же присутствует форма диалога, которой воспользуется и Максим Грек в своем Плаче. В концовке той же песни находим мотив невыслушанного пророчества, хотя и адаптированный к специфическому историческому контексту:

Canzone, io non fo stima
Di scorio ponto. Non pigliar impresa,
Se non serai intesa.
Forsi è meglio: sta' pur contenta al quia,
Dopo che fa mestier che così sia.²⁷

Песня, я пренебрегаю
Укусом скорпиона. Не надо браться за дело,
Если тебя не поймут.
Может, лучше довольствоваться вопросом «почему»,
Ибо тому надлежит быть.

Невозможно, однако, отождествлять как таковую аллегория женщины в пустыне в Плаче с образом воинствующей и гонимой церкви, который предлагает Савонарола в своей «De ruina ecclesiae», поскольку эта аллегория становится, как мы видели, метафорой «управления» и «власти», т. е. Божьего дара, который правители получают от самого Бога и который в настоящее время недостойно используют. Аллегорическая конструкция, таким образом, встраивается в размышление о ситуации в мире и его правителях, явно обозначенное уже в названии произведения. В этом размышлении Максим Грек черпает вдохновение в предшествующей песне Савонаролы «De ruina mundi» (1472). Ее пролог тематически совпадает с Плачем Максима Грека:

Vedendo sottosopra volto el mondo
Ed esser spenta al fondo
Ogne vertute e ogne bel costume:
Non trovo un vivo lume,
Né pur chi dei suoi vizi si vergogni:
Chi te nega, chi dice che tu sogni.²⁸

Я вижу, что весь мир перевернут,
в нем окончательно угасла
всякая добродетель и добрый обычай.
Я не нахожу живого света,
и нет никого, кто стыдился бы своих пороков:
Кто-то опровергает тебя, кто-то говорит, что ты бредишь...²⁹

В финальной части той же песни Савонарола вводит ветхозаветный топос пророчества, которое противопоставляется светской власти:

Canzion, fa' che sia acorta,
Che a purpureo color tu non te apogie;
Fugi palazi e logie

²⁷ Savonarola G. De ruina ecclesiae. P. 9. Савонарола добавляет здесь две очень интересные пояснительные глоссы. Одна касается «почтения»: «Cioè, non mi curo che di me sia detto male, e che io sia punto» («То есть я не забочусь о том, что обо мне плохо говорят, что меня уязвляют»). И вторая, когда говорит о «pigliar impresa» («браться за дело»): «Cioè, non disputare, quasi volendoti defendere quanto è detto da li cechi che non sono vere queste cose, e che non verranno tribulatione; ma sta' in pace» («Итак, не надо вступать в дискуссии, как будто ты хочешь защитить себя от того, что говорят слепцы, а это ложные вещи, они не стоят переживаний; пребывая в мире»)(Savonarola G. Rime. P. 110).

²⁸ Savonarola G. De ruina mundi // Savonarola G. Poesie. P. 3.

²⁹ Савонарола Д. Проповеди на книгу пророка Аггея / Изд. подг. А. В. Топорова; отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2014. С. 216 (сер. «Литературные памятники»).

E fa' che toa ragion a pochi dica,
Ché a tuto el mondo tu serai nemica.³⁰

Песня, следи за тем,
Чтобы не опираться на пурпурный цвет,
Беги дворцов и лож
И лишь немногим объясняй свой смысл,
Ибо всему миру ты станешь врагом.

Сопутствующая переработка мотивов Савонаролы о гонимой церкви и о критике развращенной власти, которые можно прочесть в Плаче Максима Грека, могла иметь связующее звено в «Божественной комедии» Данте. В наиболее политической Песни Данте объединяет образ плачущей вдовы с образом имперского города — Первого Рима, ожидающего императора, который освободит его: «Vieni a veder la tua Roma che piagne vedova e sola, e di e notte chiama: „Cesare mio, perché non m'accompagne?“» («Приди, взгляни, как сетует твой Рим, / Вдова, в слезах зовущая супруга: / „Я Кесарем покинута моим!“»).³¹ Можно отметить, что посредством Плача Максима Грека, даже несмотря на его тесную связь с песнями Савонаролы, в Россию проникает первый отзвук «Божественной комедии», и в особенности ее самой политической Песни. Впрочем, молодой Михаил Триволис не только познакомился с произведением Данте в годы пребывания во Флоренции, но, более того, мог знать и опубликованные во Флоренции в 80-е годы XV века комментарии к нему Кристофоро Ландино (1425–1498), преподававшего в Платоновской Академии.³²

Эта первая часть Плача содержит продуманное рассуждение Василии о правосудии. В первую очередь, героиня радуется, узнав, что путник «ревнует по Боге» и воодушевлен «нелицемерною любовью», — черты, которые являются основополагающими характеристиками пророческих фигур, и она сама присваивает ему роль провозвестника и посредника для тех, кто желает достичь «бесконечного Его царства». Дочь Царя и Создателя всех таким образом различает своих «возлюбленных в истине», которые достойны царского звания, и тех, кто, наоборот, попал в зависимость от стяжательства и лихоимства и строит роскошные дворцы, не заботясь об утверждении их державы («ничим же пособствующихъ къ утвержению дръжавѣ их», ср.: Прем. 6: 24). Осуждая такое поведение, Максим Грек цитирует различные отрывки из Псалмов и сопровождает их краткими экзегетическими комментариями, отсылающими к несправедливости, богатству и ростовщичеству, используя также и новозаветные выражения: Пс. 73: 20, Пс. 61: 11 (ср.: Ин. 1: 9), Пс. 118: 105, 121, 163.³³ Им противопоставлены в конце блаженство милостивых и тех, кто «алчет и жаждет правды» (Мф. 5: 6, 7), что автор поясняет цитатой из Первого послания к коринфянам (1 Кор. 1: 30). Это были «древнии рачители» Василии, начиная с первого «блаженного царя» и первого благочестивого священника Мелхиседека, образ

³⁰ Savonarola G. De ruina mundi. P. 5.

³¹ Данте А. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 182. На эти строки ссылается также М. Баракки: *Baracchi M. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca?* P. 21.

³² Ср.: *Ibid.* P. 26–28.

³³ Касательно разночтений библейского текста, которые использует Максим Грек, мы в настоящее время указываем на наблюдения Синицыной о глоссе из Man. Slav. 123. Л. 70 об. На основе данных, предложенных Журовой, исследовательница выявляет, что глосса «неправедных», которая отсылает к цитате из Пс. 73: 20, только кажется синонимом «(домов) безаконых», в реальности же отражает особый вариант Геннадиевской Библии (*Максим Грек, преп.* Соч. Т. 2. С. 391). Не будем забывать, что среди первых сотрудников Максима Грека в его переводческой деятельности мы встречаем Дмитрия Герасимова, который работал в Новгороде над созданием первой Библии на церковнославянском языке (*Гардзанити М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого.* СПб., 2017. С. 57–65). Текстуальный анализ библейских цитат мы оставим для будущей работы, хотя уже Журова сравнила их с разночтениями Геннадиевской Библии и Острожской Библии (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 41–43).

которого строится в русле новозаветной экзегезы и на основе этимологии имени и топонима Иерусалима, вызывая в памяти словарную статью из византийского Лексикона Суды, переведенную самим Максимом.³⁴

Сосредоточившись в первую очередь на понятии правды, которая преумножает мир, Василия продолжает свою обвинительную речь против стяжательства и лихоимства, ополчаясь против «насилники, <...> пастырие», которые сурово критиковались ветхозаветными пророками, сначала Иеремией, а затем Иезекиилем и Исайей (Иер. 12: 10, 23: 1; ср.: Иез. 34: 3–4; Ис. 1: 21, 23, 24). Особое значение имеют приводимые слова Исайи: «О, како бысть блудникъ^к градъ вѣрныи Сионъ исполненъ суда, в нем же правда успе, нынѣ же убищи князи твои противятся обещници татемъ любяще мзду, презѣльны мстителы, сиротам не судяще и суду вдовиць не внимающе; сего ради глаголетъ Господь: горе сущимъ сильнымъ въ Израили, не престанетъ ярость Моя в супротивныхъ».³⁵

Василия упрекает правителей не только в том, что они взбунтовались против того, кто удостоил их чести и обязанности, но также в том (как уже было отмечено в начале), что они отмахнулись от советов «богодухновенных апостолъ и пророкъ», таким образом противопоставив себя самому Богу. Их ожидает Божий суд (Пс. 74: 9) не только за то, что «богочестныи царскыи санъ растлѣвають и досажаютъ» несправедливостью, но и за то, что молчали (Пс. 49: 21), не заботясь о несправедливости в адрес обиженных. Бог придет на помощь к тому, кто о ней взывает (Лк. 18: 7,³⁶ Пс. 11: 6), и поставит каждого перед лицом собственной ответственности (Пс. 49: 21, Пс. 9: 27, 34, Пс. 93: 1, 5, 6, 23).

Обширная цитата из второго Псалма, основополагающего текста по данной тематике, — призыв, обращенный к правителям (Пс. 2: 10–12), говорящий о «пути праведном» и ставший, как мы видели, центральным мотивом Плача: «И нынѣ, царие, разумѣйте, накажитесь вси судящеи земли, работайте Господеви съ страхомъ и радуитесь Ему съ трепетом; примите наказание, да не когда прогнѣвается Господь, и погыбнете от пути праведнаго, егда възгорится въскорѣ ярость Его?» Пояснению этого Псалма, интерпретируемого в мессианском ключе ввиду царского достоинства Христа, Максим Грек уделяет особое внимание в письме одному другу, в котором ученый монах объясняет некоторые выражения из Божественного Писания, с трудом поддающиеся пониманию.³⁷

В первой части мы можем таким образом прочесть инвективы, подобные тем, что присутствуют в поэтической, а значит, в очень сжатой форме в песне «De ruina mundi»:

³⁴ Ср.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 53–82; для издания славянской версии: с. 142–143, 168.

³⁵ В пророческом выражении Исайи (Ис. 1: 21) можно наблюдать превращение «верного Сиона» в «блудницу», таким образом Максим Грек вновь отсылает к Апокалипсису, к образу вавилонской блудницы, с которой «цари земные блудодействовали» (ср.: Откр. 17: 1–18). Вавилонскую блудницу упоминает и «Божественная комедия» в отрывке, который, как нам кажется, уместно процитировать за его созвучность размышлениям Максима Грека: «Di voi pastor s'accorse il Vangelista, quando colei che siede sopra l'acque puttane gliar coi regi a lui fu vista...» («Вас, пастырей, провидел Иоанн / В той, что воссела на водах со славой / И деет блуд с царями многих стран...») (Данте А. Божественная комедия. С. 87). Использование метафоры на церковнославянском затруднено по той причине, что слово «градъ» мужского рода. Именно поэтому в нашем тексте читаем «блудник» мужского рода, в то время как Острожская Библия, более близкая к греческому тексту, предлагает женский вариант «блудница». Можно было бы даже подумать, что выбор Максима Грека намекает на грех содомии, неоднократно осуждаемый афонским монахом вслед за Савонаролой.

³⁶ В своих комментариях Журова отмечает присутствие в этом отрывке варианта с *ли*, который указывает на вопрошание, делая текст более близким к евангельской цитате, которая, тем не менее, не была отмечена исследовательницей (Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 227).

³⁷ Речь идет о «Послании к нѣкоему другу его, в нем же тлѣкование нѣкоихъ рѣчении неудобъ разумѣваемых, в божественном писании» (Максим Грек, преп. Соч. Т. 2. С. 320–321). Мы будем еще писать о роли этого Псалма в размышлениях афонского монаха.

Felice or mai chi vive di rapina,
 E chi de l'altrui sangue più se pasce,
 Chi vedoe spoglia e soi pupilli in fasce
 E chi di povri corre a la ruina!
 Quella anima è gentil e peregrina,
 Che per fraude o per forza fa più acquisto,
 Chi spreza il ciel cum Cristo
 E sempre pensa altrui cacciar al fondo;
 Colui onora el mondo,
 Che ha pien di latrocini libri e carte,
 E chi d'ogne mal far sa meglio l'arte.³⁸

Ныне счастлив тот, кто живет грабежом,
 Кто питается кровью других людей,
 Кто раздевает вдов и их чад
 И кто разоряет бедных!
 Та душа любезна и благочестива,
 Что обманом и насилием богатеет,
 Что презирает небо вместе с Христом
 И всегда стремится столкнуть ближнего в пропасть;
 Того почитает мир,
 У кого книги и бумаги исполнены воровства
 И кто лучше других владеет искусством зла.

Максим Грек повторяет те же мотивы не своими словами, а цитируя ветхозаветных пророков, и, основываясь уже на размышлениях Савонаролы,³⁹ сосредотачивается главным образом на теме несправедливости по отношению к сиротам и вдовам. В размышлениях монаха, как и у Савонаролы, проявляется тесная взаимосвязь между состоянием вдовства Василии и призывом к защите вдов, — основополагающей теме проповедей Савонаролы и сочинений греческого автора.⁴⁰

Вторая часть начинается с того, что речь Василии резко обрывают: путник перебивает ее, чтобы попросить объяснения кажущемуся противоречию из только что процитированного второго Псалма (Пс. 2: 11): «какое есть возможно работающему сь страхом Вышнему, тому же и радоваться сь трепетом?» Его слова не просто формулируют экзегическую тонкость, а подразумевают богословско-духовное размышление, связанное с деликатным вопросом взаимоотношений между Ветхим и Новым Заветом. Цитируя пророка Аввакума: «и вниде трепеть въ кости моя» (Авв. 3: 16), путник еще более ярко подчеркивает это противоречие в Священном Писании. Отвечая своему собеседнику, героиня прежде всего обращается к учению Иоанна о любви, побеждающей страх (1 Ин. 4: 18), и напоминает, что тот, кто следует заповеди о любви к Богу (Мк. 12: 30), «радуется Ему сь трепетомъ», т. е. достигает состояния «радости духовной», которое сильно отличается от «радости плотской». Возвращаясь к Ветхому Завету, тот же самый Аввакум подтверждает это (в последующих строках), когда объявляет, что «Азь же о Господь възвеселюся, възрадуя о Бозь Спась моем», потому что «Господь Богъ мой сила моя» (Авв. 3: 18, 19), поскольку, поясняет Максим Грек, ведет человека к совершенству мудрости.

Это объяснение, которое можно отнести к практике духовной экзегезы, открывает возможность другой интерпретации нравственного характера, применимой к конкрет-

³⁸ *Savonarola G.* De ruina mundi. P. 4.

³⁹ Это отмечает Дж. Туччини в своем комментарии к «De ruina mundi»: *Savonarola G.* Rime. P. 88–89.

⁴⁰ Ср.: *Garzaniti M.* Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze). P. 41–74. Я благодарен О. Кудрявцеву, прекрасному знатоку флорентийского Кватроченто, за его указание на присутствие образа вдовы на одной из последних картин Боттичелли «Последнее чудо и смерть Св. Зиновия», созданной в начале XV века, именно в те годы, когда Максим Грек жил во Флоренции и Венеции.

ной ситуации. С одной стороны, Священное Писание показывает Божественную снисходительность в отношении человеческих слабостей,⁴¹ позволяя человеку наслаждаться едой и питьем, при условии, что он будет благословлять Бога (1 Кор. 10: 31). С другой, следуя призыву Павла, которого Василия определяет как «моего проповедника», необходимо отвергать любую безнравственность (Рим. 13: 12–14).⁴²

Эта нравственная экзегеза порождает суровое обвинение Василием застолий и оргий. Начав со слов пророка Исайи (Ис. 5: 11, 12) и вызывая в памяти Страшный Суд, героиня упоминает не только праздник Ирода, который, как повествуют Евангелия, был вынужден обезглавить Иоанна Крестителя, чтобы сдержать клятву, данную «отроковицъ пляшущей», но и идолопоклонническое застолье народа Израиля в пустыне (Исх. 32: 6, 1).⁴³

Для воодушевленной Василии — это все последствия лихоимства и пьянства и «плотских нечистот», которым предаются цари и князья. Экзистенциальное состояние грешника описано в соответствии с восточной традицией, которая видит его полностью замкнутым на себе самом, что подчеркивается такими понятиями, как «самоволие» и «самоугодие». В результате этого грешник оказывается неспособен услышать советы священников и старцев или «бог вдохновенных писаний», что только веселит бесов, видящих его гибель (Пс. 70: 11).⁴⁴ Страшный Суд неизбежен для царей и князей, которые «иже ложнѣ обложени суть моимъ царскимъ саном от многаго своего безумия же и бесчюствия».

Тема суда, которая встречается неоднократно, присутствует с самого начала также и в «De ruina mundi», где, хотя и в другом контексте, вводится осуждение наиболее распространенных безнравственных и предосудительных обычаев:

On pur ch'è forse appresso, e tu l'aspetti,
L'estremo dì che fa tremar l'inferno.
A noi virtù non tornerà in eterno:
Quivi si estima chi è de Dio nemico;
Catone va mendico;
Ne la man di pirata è gionto il scetro;
A terra va san Pietro;
Quivi è lussuria ed ogni preda abunda,
Che non so come il ciel non si confunda.
<...>
Deh! Mira quel cinedo e quel lenone
Di porpora vestito, un istrione
Che 'l vulgo segue e il cieco mondo adora!
Non ti ven sdegno ancora
Che quel lussurioso porco gode,
E le toe alte lode
Usurpa, <ha> assentatori e parasciti,
E i toi di terra in terra son banditi?⁴⁵

Может, он уже близко, и ты его ждешь, —
Последний день, сотрясающий ад.
Добродетель уже никогда не вернется к нам:

⁴¹ Даже имея знак письменной цитаты («рече»), невозможно определить точный отрывок, на который ссылается автор (возможно, это отзвук 1 Фес. 5).

⁴² В длинной цитате из Рим. 13: 12–14 Журова отмечает для варианта «въ ложах» вариант «гнусоудѣнии» (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 231).

⁴³ Эта цитата не указана Сеницыной. Добавим также отсылку к тексту Песни Моисея, которая не отмечена ни Сеницыной, ни Журовой: «боговъ, их же не въдаша отци ихъ» (Вт. 32: 17).

⁴⁴ В конце второй части Журова обращает внимание в цитате из Псалма на вставку «рече», которая подчеркивает наличие цитаты (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 228).

⁴⁵ *Savonarola G.* De ruina mundi. P. 4.

Здесь определяют, кто враг Божий;
 Катон нищенствует;
 В руки пиратов попал скипетр;
 На землю спускается святой Петр;
 Здесь изобилует сладострастие и хищение,
 И непонятно, как небо не приходит в смятение.
 <...>
 Увы, взгляни на этого развратника и сводника,
 Облаченного в пурпурные одежды,
 На гистриона, за которым следует чернь и которого обожает слепой мир!
 У Тебя еще не вызывает омерзения,
 что эта похотливая свинья наслаждается,
 И хвалы, Тебе предназначенные,
 Присваивает себе, окружена льстецами и паразитами,
 А Твои люди гонимы отовсюду?

Василия здесь собирается попрощаться с путником такими словами: «нынѣ убо шествуи, радуяся, путем твоимъ» — даже если в реальности очень мало поводов для радости после того, как становится понятным, какими несчастьями охвачена вселенная («толикыми лютыми обдержиму вселенную»).

Диалог можно было бы так и закончить. Однако автор добавляет третью, и последнюю, краткую часть, где путник обращается к вдове с просьбой объяснить причины ее пребывания «при пути семъ пустѣ <...> обступаема толь лютыми звѣри», с ясной отсылкой к начальному образу «львов, медведей, волков и лисиц». ⁴⁶ По мнению Висковатого, Максим Грек, возможно, при создании образа зверей был вдохновлен проповедью феррарского брата о Псалме 72 (*Quam bonus Israel Deus*). ⁴⁷ Речь идет о проповеди XXIII, которая была произнесена в 1498 году и сосредотачивается на Псалме 73 «*Ut quid Deus repulisti in finem*» в связи с плохим примером прелатов. Можно отметить, в частности, следующий отрывок: «*Levati su Signore; vieni a liberare la Chiesa tua dalle mani de' diavoli, dalle mani de' tiranni, dalle mani de' cattivi prelati. Non vedi tu che l'è piena d' animali, piena di bestie, leoni, orsi e lupi, che l'hanno tutta guasta? Quare oblivisceris tribulationem nostram?*» («Востань, Господи; приди освободить Церковь из рук бесов, из рук тиранов, из рук плохих прелатов. Разве Ты не видишь, что она полна животных, диких зверей, львов, медведей и волков, которые всю ее изгрызли? Почему Ты забываешь о нашем мучении?»). ⁴⁸

Иллюстрируя переносный смысл сочинения в целом, заключительная реплика Василии отсылает к образу «окааннаго вѣка сего послѣдняго», в котором нет больше «цареи благовѣрномудреных и ревнителех славъ» (с использованием неологизма «благоверномудрый») с того момента, как все «своих си ищут, а не яже Вышня-

⁴⁶ В связи с этим отрывком Баракки ограничивается только указанием, что выражение «Иди своей дорогой» восходит к Данте (*Baracchi M. Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca?* P. 25).

⁴⁷ Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. С. 133.

⁴⁸ Villari P., Casanova E. Scelta di prediche e scritti di Fra Girolamo Savonarola. Con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze, 1898. P. 51. Можно задаться вопросом, почему Максим добавляет ко «львам, медведям, волкам», взятым у Савонаролы, также и «лисиц». Из-за того, что метафора накладывается на образы правителей, а не прелатов, можно предположить, что он не мог упустить этого образа лисы — олицетворения хитрости. Его можно найти уже в Евангелиях в словах Иисуса об Ироде (Лк. 13: 32). Образ лисицы встречается также и в «Божественной комедии» в Песни XXXII Чистилища, в которой центральное место занимают образы колесницы и блудницы — аллегория церкви, происходящая из Апокалипсиса. Однако более подходит, с нашей точки зрения, указание, которое предлагает нам Савонарола. Он говорит о Папе Бонифации VIII («вошел как лиса и умер как собака») и отсылает к идее тирании, представленной прототипом фараона, который мучает народ Израиля (*Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo / A cura di P. G. Ricci: In 2 vol. Roma, 1955. Vol. 1. P. 179; Marietti M. La figura del tiranno nella predicazione di Girolamo Savonarola // Chroniques Italiennes (Série Web). 2006–2007. № 11 (1). P. 1–27.*

го»,⁴⁹ т. е. хотя «себѣ разширят предѣлы дръжавъ своихъ», развязывая войны между собой и проливая кровь верующих народов, ведя себя как «дикие звери», не заботясь о христианах, преследуемых в исламском мире. В то время как вновь смыкаются темы пути и пустыни («Пусть убо сеи путь») и обыгрывается, как отметила Журова, созвучие между этими словами,⁵⁰ автор красочно описывает унылую картину христианских держав, погрязших в междоусобной войне и игнорирующих угрозы Османской империи, — тревожная тема греческой диаспоры, а также проповеди Савонаролы.

Василия, «вдовѣства ризами одѣана <...>, от дивиихъ звѣрей объемлема, и лютѣ от них растерзаема», представляется образом, который находит соответствие, хотя и в иной форме, в описании воинствующей Церкви, предложенном Савонаролой в его «De ruina ecclesiae»:

Povra va con le membra discoperte,
I capei sparsi e rotte le girlande;
Ape non trova, ma a le antique giande
Avidamente, lasso, si converte.
Scorpio la punge e l'angue la perverte,
E le locuste le radice afferra:
E cosi va per terra
La coronata e le soe sante mani
Biastemata da cani...⁵¹

Бедная, идет она с обнаженными членами,
Растрепанными власами и разорванными гирляндами;
Пчел не находит она, но к старым желудям,
Увы, жадно припадает.
Ее жалит скорпион и поражает змея,
И саранча уязвляет ноги (дословно: корни. — А. Т.):
И так шествует по земле,
Увенчанная, <воздев> свои святые руки,
Облаянная псами...

Савонарола так комментирует свой текст: «Da li Infedeli, li quali dicono: s'el fusse vera la Fede Cristiana, non viveriano li cristiani a questo modo» («От неверных, которые говорят: если бы христианская вера была истинной, то христиане так бы не жили»).⁵² Эта тема указана Максимом Греком среди главных аргументов проповеди Савонаролы в сочинении «Повѣсть страшна и достопамятна и о съвршеном иночьскомъ жительствоѣ». В ней автор уделяет большое внимание суду над феррарском братом: «и глаголаше часто: „Аще бы мы жительствовали достойно Еуагелию Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языки обратилися бы къ Господу, зряще наше равноаггельно житие, и было убо бы нам сие въ спасение велико и наслаждение вѣчныхъ благъ. Нынѣ же, супротивно еуаггельскихъ заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемымъ, ниже иныхъ к благочестию руководити печемся, — что ино мы слышатю чаемъ от праведнаго Судии, развѣ сего: «Горе вамъ, книжници и фарисее, лицемѣры, яко затворяете Царство Небесное пред человекеы; сами не входите и хотящая внити възбраняете имъ»“ (Мф. 23: 13)».⁵³

⁴⁹ Очевидна отсылка к Фил. 2: 21, которая, однако, не отмечена в изданиях Плача (Максим Грек, преп. Соч. Т. 2. С. 270).

⁵⁰ Семантическая емкость понятия «путь» подчеркивается присутствием в Слове цитат из Псалма 118, в композиции которого этот образ является важным мотивом (см.: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 1. С. 223).

⁵¹ Savonarola G. De ruina ecclesiae. P. 8.

⁵² Savonarola G. Rime. P. 106.

⁵³ Это произведение опубликовано: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 239–258 (в особенности см. с. 252). Для толкования части Повести страшной, посвященной

«Последняя печаль» Василии возникает из-за отсутствия пророков, которые бы охвачены «божественною ревностью», как это было в прошлом, и умели бы поправлять «обручники моя бесчинствующих».⁵⁴ Максим Грек перечисляет фигуры наиболее важных пророков из Ветхого Завета наряду с правителями, которых они обличали и направляли, начиная с Самуила и Саула, Нафана и Давида. Прочитировав Илию и Елисея и переходя далее к священной истории, героиня взывает к свидетельству епископов первых веков: Амвросия, который сумел противостоять императору Феодосию,⁵⁵ Василия Великого во времена Валента и, наконец, Иоанна Златоуста, «сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксию изблещившаго, не стерпевша презрѣти теплыя слезы бѣдныя оны вдовыне».⁵⁶ И заключает: «Како убо неправеднѣ ли вдовѣющей женѣ подобна съжу, при пути пустѣ океаннаго, глаголю, вѣка нынѣшняго, таковых поборниковъ и ревнителех лишена. Сицева убо безгодная моа, о преходниче, достойна рыданий многъ».

Справедливо было отмечено, что образ вдовы традиционно появляется в произведениях церковных писателей, чтобы обозначить христианскую общину, лишенную своего епископа. В истории русской митрополии можно указать на период, следующий за удалением митрополита Исидора и предшествующий решению московского Синода избрать митрополитом Иону, что фактически открыло путь к автокефалии Русской Церкви.⁵⁷ Новая перспектива, предлагаемая греческим монахом в России, состоит именно в семантическом смещении от вдовства некой христианской общины, лишенной епископа, к обществу, в котором отсутствует гражданская власть, гарантирующая порядок и безопасность.⁵⁸ С этой точки зрения мы можем соотнести письмо царя Ивана Грозного к Стоглавому собору с идеями Максима Грека, корни которых надо искать в его итальянском опыте, хотя и переработанном применительно к размышлениям об императорской власти в византийской традиции. Не случайно и то, что Максим Грек советует юному царю читать сочинения византийского происхождения: от Поучения монаха Агапита до письма патриарха Фотия.⁵⁹

Плач завершается призывом Василии к путнику молиться о том, чтобы ее супруги наконец-то отвратились от их дурных деяний и «да сподобятся, праведною и богоугод-

Савонароле, см.: *Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze)*. P. 41–74.

⁵⁴ Идея, что «цари и правители» все по призванию «обручники» с Василией, не только возникает из понимания «тела» в теологии ап. Павла, но и подтверждает влияние Савонаролы в Плаче, когда в начале «De ruina ecclesiae» говорится о «membri de l'eterno Sposo» («членах вечного Мужа»), и в особенности напоминает приведенное выше дантовское видение вдовствующего Первого Рима.

⁵⁵ Надо помнить, что миланский епископ Амвросий порицал поведение императора именно в течение своего пребывания во Флоренции, когда освящал Базилику Сан-Лоренцо (393), в которой был погребен Лоренцо Великолепный (1492) после пышных похорон в церкви Сан-Марко.

⁵⁶ О знаменитом эпизоде, подтолкнувшем Златоуста к сравнению императрицы с ветхозаветной Иезавелью, см.: *Ommeslaeghe F. van. Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et les origines d'une légende // Analecta Bollandiana. 1979. Vol. 97. № 1–2. P. 131–159.*

⁵⁷ Предложив очень ценную подсказку, П. Гонно делает отсылку к письму митрополита Ионы, написанному после его избрания Синодом, собравшимся в Москве в 1448 году (*Gonneau P. [Rezension über:] Michail M. Krom, «Vdovstvjuščee carstvo». Političeskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2012. № 1. P. 27–28*), в котором прелат жаловался, что «коликое лѣтъ церковь Божія вдовствовала безъ большаго Святителя, безъ Митрополита» (Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 86, № 43). О культурных и социальных последствиях автокефалии в русской истории см.: *Garzaniti M. Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della «santa Russia» // Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005. P. 223–239.*

⁵⁸ По нашему мнению, в обстоятельном труде о детских и юношеских годах Ивана Грозного М. М. Кром не уловил основополагающее новаторство, которое Максим Грек ввел в Россию по следам западной традиции (*Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 7*).

⁵⁹ *Garzaniti M. Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa — 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia. 2015. № 2. P. 361.*

ною властью ихъ земскою, получитьи бесконечнаго царства небеснаго съ всѣми, иже благовѣрно и богоугодно устроиша земскую сию царскую дръжаву».

Если принимать во внимание речи Василии и представление персонажа в начале диалога, можно разделить сочинение Максима Грека на вступление и три части, которые развивают три вида размышлений о драматическом состоянии мира в настоящем и о главных исполнителях — царях и князьях.⁶⁰ В первой части через аллегорический образ описывается человеческое общество, погруженное в пороки и управляемое несправедливыми и жестокими правителями, и иллюстрируются идеалы справедливости и мира через образ Мелхиседека, царя Шалема, в мессианской перспективе, подчеркнутой обширной цитатой из второго Псалма. Во второй части поднимается этический вопрос на основе одной изысканной библейской экзегезы, в которой утверждается возможность выйти из драматической ситуации посредством радикальных изменений, избегая пагубных примеров, таких, например, как Ирод и народ Израиля в пустыне. Наконец, в третьей части, в которой доминирует эсхатологическая перспектива, в свидетели призываются ветхозаветные пророки и отцы Церкви, которые, даже будучи преследуемыми, направляли народ в Царство Божие, не боясь противостоять власти.

Таким образом, мы выходим за границы исключительно политического и земного пространства русского царства, хотя и очень подробно представленного внутри интерпретации общей истории человечества, в которой определяются отношения между властью земной и Царством Божьим. Пророческие фигуры берут на себя основополагающую роль, так как способны призвать сами власти к их миссии. Что касается настоящего времени, то звучит призыв преодолеть разногласия между христианскими державами, открывающие двери исламской опасности.

С самого начала пророческая литература берет на себя важную роль в произведении посредством различных цитат и некоторых основных топосов, а равно посредством обращения к отдельным фигурам и перечитывания в пророческом ключе истории Церкви. Не случайно и то, что Максим в ходе своей деятельности собрал ряд отрывков из пророческих книг, которые впоследствии были помещены в его собрание сочинений.⁶¹ Сама роль путника — авторская персонификация — должна быть интерпретирована как преследуемый/гонимый (?) и несправедливо обвиненный пророк. Сам Максим Грек прямо идентифицирует собственную судьбу с судьбой ветхозаветного патриарха Иосифа, протанного фараону своими братьями, но «спасенного Богом».⁶²

Поэтому оказывается сложно на основе названных тем определить, когда произведение было задумано. Конечно, глубоко печальная жалоба Василии и апокалиптическое видение, в котором описывается современный мир, заставляют думать о периоде, достаточно отдаленном от того времени надежд, которыми было ознаменовано прибытие Максима в Москву (1518), и отсылают скорее к годам после долгого заключения в Волоколамском монастыре, когда уже человеческие утешения растаяли и упования на примирение христианского мира и его совместные действия против исламской опасности угасли. Размышление становится глубоко тревожным, но в то же время более отстраненным в общем видении истории, в которой с большей ясностью проступают те пророческие фигуры, которые умели указать путь даже в самые темные времена. Именно роль *старца* в монастыре Св. Троицы вместе с уважением и заступничеством

⁶⁰ Принимая во внимание диалогическую форму произведения, Журова формально выделила в нем пять частей на основе чередования вопросов и ответов главных героев (*Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 220*).

⁶¹ Рукописной традиции этой антологии, которая, кроме прочего, присутствует в Собрании Иоасафа (РГБ. Собр. МДА. Ф. 173. № 42), Х. М. Олмстед посвятил важное исследование, в котором делает несколько интересных замечаний о присутствии этих текстов в оригинальных сочинениях афонского монаха (*Olmsted H. M. A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. № 3. P. 1–73*).

⁶² Эту параллель между собственной судьбой и судьбой патриарха Иосифа можно прочесть в письме 1542 года к князю П. И. Шуйскому, который проявлял интерес к его участи (*Максим Грек, преп. Соч.: В 3 т. Казань, 1894–1897. Т. 3. С. 415–420; особенно с. 416–417*).

митрополита Макария могли позволить Максиму Греку написать такое смелое и суровое произведение в отношении правителей своего времени, подтверждая косвенным образом его создание в годы, примыкавшие к Стоглавому собору.

Приблизительно в те же годы переживание сходного отстранения от мира, погруженного во зло, и тревожного мессианского ожидания испытывал, будучи уже глубоким старцем, другой почитатель Савонаролы — Микеланджело Буонарроти:

Il mondo è cieco e 'l tristo esempio ancora
Vince e sommerge ogni perfetta usanza.
Spent'è la luce e seco ogni baldanza,
Trionfa il falso e 'l ver non surge fora.
Deh, quando fie, Signor, quel che s'aspetta
Per chi ti crede? c'ogni troppo indugio
Tronca la speme e l'alma fa mortale.⁶³

Мир — в слепоте: постыдного урока
Из власти зла не извлекает зрак,
Надежды нет, и все объемлет мрак,
И ложь царит, и правда прячет око.
Когда ж, Господь, наступит то, чего
Ждут верные тебе? Ослабевает
В отсрочках вера, душу давит гнет...⁶⁴

⁶³ *Michelangelo Buonarroti. Rime / A cura di E. N. Girardi. Bari, 1960. P. 139 (sonetto 295).*

⁶⁴ *Микеланджело Буонарроти. Поэзия / В пер. А. М. Эфроса. М., 1992. С. 295.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-70-73

© Л. А. Трахтенберг

БАСНЯ И. И. ХЕМНИЦЕРА «МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК»: ИСТОРИЯ СЮЖЕТА

Басня «Метафизический ученик», не предназначавшаяся автором для печати и изданная лишь посмертно в редакции В. В. Капниста,¹ — одно из наиболее известных произведений И. И. Хемницера. Ее цитирует, в частности, А. С. Пушкин, критикуя литературную позицию журнала «Московский вестник».² Как образец творчества Хемницера вспоминают ее и сегодня.³

В критических изданиях источники басни не комментируются.⁴ Представляется, что они могут быть установлены. Задача работы — определить возможные источники

¹ *Хемницер И. И. Басни и сказки: [В 3 ч.]. СПб., 1799. Ч. 3. С. 38–40. № 21 (под заглавием «Метафизик»).*

² *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 320 (письмо А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 года).*

³ *Лесин Е., Щербак-Жуков А. В метафизическом беснуясь размышленьи: 275 лет со дня рождения первого русского сатирика и баснописца Ивана Хемницера // Независимая газета. 2020. 15 янв.*

⁴ *Хемницер И. И. 1) Соч. и письма по подлинным его рукописям / С биографической статьей и прим. Я. Грота. СПб., 1873. С. 261; 2) Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост. Л. Е. Бобровой; подг. текста и прим. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вапура. М.; Л., 1963. С. 324–325 (Библиотека поэта. Большая сер.); Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. статья и сост. А. Н. Соколова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 628 (Библиотека поэта. Большая сер.).*